

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Татьяна Шишкина

О чём поют наяды

Стихи

Русское эхо
2015

- Шишкина Т.Г.**
Ш 65 О чём поют наяды: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2015. — 64 с.
ISBN 978-5-904319-5-7

Татьяна Геннадьевна Шишкина родилась 17 июня 1983 г. в г. Куйбышеве. Окончила Самарский государственный архитектурно-строительный университет (2005) и Литературный институт им. М. Горького (2014). Работает инженером по отоплению и вентиляции в проектной организации.

Автор поэтического сборник «Липы на асфальте», подборки стихотворений публиковались в литературных журналах «Русское эхо», «Волга XXI век», «Подъём», «Молодёжная волна», «Берега» и др.

Лауреат XIV республиканского творческого конкурса «Рождественская звезда» (2008) (г. Саранск). Лауреат Всероссийского конкурса литературной критики «Русское эхо» (2012).

Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

* * *

Приснилось: мы обе наяды —
тихонько гребём по волнам.
А боги — не то чтобы рядом,
но как-то сочувствуют нам.

Забыты духи и румяна,
недели больших распродаж.
И здесь, посреди океана,
нам больше, чем двадцать, не дашь.

К чему нам Гольдони и Гоцци,
какой-то бессмысленный трёп,
когда заходящее солнце
целует в коричневый лоб?

И нет ни программы, ни цели,
ни берега, ни маяка...
Как раньше... Зато уцелели —
на редкость, наверняка.

Так пой же и смейся беспечно,
пока ни судьбы, ни молвы...
Наяды весьма долговечны,
но не бессмертны, увы.

* * *

Вам на небо? А мне не туда.

Мне ещё полагается здесь.

Евгений Чепурных

Я — от сердца, а ты — на латыни...

Непонятно. Но мне хорошо.

Темнокожее облако стынет,

Зацепившись за мой капюшон.

Первый час — и не будет трамвая.

Под ногами полощется снег.

Ты, случайных собак узнавая,

Отзываешься: жив человек!

И смеёшься. И я улыбаюсь.

Только жарко, и хочется, чтоб

Ночь прохладная, с крыш наклоняясь,

Мне ладонь положила на лоб.

И молчу. А хотелось — о многом...

Рот открою — и ветра глоток.

А, казалось бы, нужно два слога:

Небо? Время? Да это не то...

Я путей не пытаю Господних.

Мне приятно во тьме различать

Твой костюм белоснежно-субботный,

Запах ладана возле плеча.

— Ты ко мне?

Покачал головою.

— Мы — к тебе?

Рассмеялся в ответ.

«Ты живи, — говоришь, — Бог с тобою!

Ничего в этом страшного нет».

* * *

Быть может, позвонишь с утра
и скажешь: «Я Джордано Бруно,
среди бесчисленных утрат
я предсказал тебя по рунам.
И закалив себя постом,
и усомнившись в человеке,
я знал: мы встретимся потом —
хотя бы в двадцать первом веке.

И будет эра смс,
онлайн-игры и «Аватара».
И не чума, а лишний вес
предстанет будничным кошмаром.
В итоге тех пяти веков
подсказок, страхов и наитий
в одном из дорогих звонков
подскажет психоаналитик,
что ни к чему играть с огнём,
вскрывая тайники Вселенной,
и не оправдан ход конём
за сердце ветреной Елены...

А в этом веке жизнь проста:
работа — секс — кино — хот-доги.
И даже игровой состав
Твои не поменяли боги...»

Но как-то странно в тишине
мечтать за чашкой шоколада
Об этом призрачном звонке...
Я вдруг подумала, что мне,
возможно, это и не надо.

* * *

Что за улица — мрачно и голо...
И не лучше покажется днём.
Ночь фонарь зацепила подолом
и безвольно повисла на нём,
замолчав.

Ни людей, ни трамвая,
ни следа от звезды путевой.
Пересверк — пелена снеговая
осыпается над головой.

Ночь как ночь: не труднее, не проще...
Отбежав от железных дверей,
тень собаки бездомной и тощей
вдруг принялась к тени моей.

Поздоровалась, дёргая ухом,
на чудном для меня языке.
И своё невесёлое брюхо
вслед за мной понесла налегке.

Молча шла — не своя, не чужая.
Да и мне было так, что не тронь...
И не знала, куда провожает:
до угла? до небес? в метро?

Что искали — нашли и забыли.
Ночь и холод. Собака и я.
Вдруг запахло извёсткой и пылью —
неустройством пустого жилья.

Тухлой рыбой, поддержанным снегом...
— Друг, ты чувствуешь? Нехорошо...
По-иному заснежено небо
у тебя и меня за душой.

Постояли, подумали... Будет.
Время — ночь, да не вечно же ей...
Выхожу переулками — к людям —
вслед за тенью собаки моей.

* * *

Город с рассветом неряшлив и стар —
сник под тяжестью крыш.
Снится ему незнакомый Динар,
Вена, Брюссель, Париж.
Снятся ему Амстердам и Лондон,
московских мигалок вой...
Город готов быть кем угодно,
только не быть собой.

И чтобы не выгнали, чтобы признали
своею наверняка,
в утренний дождь его крепко врастаю
клеёнкой дождевика.

Читаю его из реклам «Кока-колы»,
по дыму с речных берегов,
где с мая уже стоят частоколы
мангалов, кафе, ларьков...

А стоит уехать — и вмиг забываю,
как утром вставать с ленцой,
и, сидя в гремящем нагретом трамвае,
всех узнавать в лицо.

И кажется: только река и свободна,
не стеснена молвой;
и каждый готов быть кем угодно,
только не быть собой.

* * *

В нелётную ночь вспоминаем Басё,
и голос твой до того человеческий,
что кажется: он-то меня и спасёт,
поймав на пути ускользящей речи.

Ты не боишься — и я не слежу
за шорохом гравия в омуте сада,
где мы оставили свой парашют
с запасом вина и книгами Сартра.

Сминая траву, где живут мотыльки,
под ягодной мглою заброшенной вишни,
читаем друг друга... И слоги легки
настолько, что губы почти неподвижны.

* * *

Вот она — моя тарелка.
Ложка, вилка. Хлеб и нож.
На экране перестрелка —
кто кого, сейчас поймёшь.

Это просто
и знакомо.
Тело — полуавтомат.
А душа...
Ну, да — ведома:
в дым из дыма.
В дом из дома.
И никто
не виноват.

* * *

Говори со мной, Кустурица...
Мне сегодня не уснуть.
Перегаром дышит улица,
Оттого на стёклах муть.

Отупевшая, незрячая,
Осень тычется в окно.
И чего бы мы ни клянчили —
Для старухи всё одно.

Потому-то мы и выжили.
Пьём в гостях зелёный чай.
За спиною вёрсты выжжены
По фигуре Ильича.

Коллективное-далёкое
Вдруг заёрзало в душе —
Хоть сейчас гребь осокою
Вслед за раем в шалаше.

Коммунальной околесицей
Грезит кухня, жжёт вода...
Повисев на ржавом месяце,
Ночь легла на провода

Вниз башкой. Краснеет, хмурится,
Тихо тает изнутри...
Не люблю тебя, Кустурица.
Ничего не говори.

И нет такой сигареты,
чтоб — куришь,
а мысли —
здесь...

ЧЁРТОВО КОЛЕСО

Выйдут сроки, и нас не будет:
потеряем и цвет, и вес.
Не спасут ни скрещенье судеб,
ни шампуни без SLS.

Из полсотни — пять-шесть везучих.
Ну а мы — с тобою — как все:
что не прожито, то не учит —
вечно вертишься в колесе.

Копишь деньги, жуёшь котлеты,
часто думаешь ни о чём:
будь что будет, но чтобы лето
прижималось к тебе плечом
загорелым и не смолкала
в парке Горького карусель,
чтобы пиво — на два бокала,
чтоб ни складочки на джинсе...

И... чего там в мечтах о лете?
Над мангалом — закат, шансон...
Нахватавшись перчёных сплетен,
посмеяться бы в унисон.

Но вот тут-то — оно и «грянет» —
между пивом и пачкой Lays...
Оживёт и «дружок» в бурьяне,
и всё то, что придумал Чейз.

Засквозит силуэт иудин
меж осин и пивных ларьков.
Где бы только о новом чуде
помолиться «без дураков»?!

Потернистей найдёшь дорогу —
ни людей, ни кафе с попсой —
и начнёшь подниматься к Богу,
сев на Чёртово колесо.

Ниже, выше... Круг первый... пятый...
Шесть, семь, восемь, и ты — ничком —
вмиг почувствуешь, как девятый
наполняется сквозняком.

Но всей болью в тот круг вращая,
разобравшись, где верх, где низ,
вдруг увидишь: тебе остались
этот парк, этот свет и жизнь.

* * *

Редееет ночь.
Рассвет, как решето.
её просеивает оч-
чень медленно, и то-
нко ум вплетает в сны
событие пустой недавности. А с ним
забавное ко мне ныряет что-то.

Мне показалось, это камбала.
А может, сом?
Да что мне — либо, либо...
Чего бы я от ночи ни ждала —
ко мне летит всамделишная рыба,
хватая ртом беззвучно кислород
и медленно виляя плавниками.
Но если бы я даже и вникала...
Что — в жестах рыбы? Кто их разберёт?

Зачем в потёмках, вылупив глаза,
ко мне летит навстречу в одиночку?
Так человек «летит» под образа,
вымаливая новую отсрочку...

И ждёт. И жнёт
засеянное в нём,
но сам — долги чужие не прощает.
А рыба, никого не замечая,
уносится в далёкий водоём.

Но где же я?
Сижусь на простыне.
Ни образа, ни рыб, ни сновидений.
Лишь плавничок от маленькой идеи
для пары фраз Вконтакте на стене...

Чтоб не летать, из мелочных забот
на свой плавник
пристраиваю глыбу —
не человек, а сплюснутая рыба,
бессмысленно раззявившая рот.

* * *

Тут всё обо мне: хотя бы —
гербера в бутылке, сонник,
и книги в шкафу с пометкой
«читать никому не дам».

Вскарабкался вмиг октябрь
на узенький подоконник,
и тонкие хлещут ветки
по мокрым его ногам.

Мы были знакомы прежде —
он часто сюда летает..
Не зря же в потёртых книжках
отмеченных столько мест.

В бесполой его одежде
хранятся чужие тайны.
Он знает того парнишку,
что носит благую весть.

И знает, что я — не знаю...
Следит за мной с интересом:
мол, что там его недоучке
пригрезится сгоряча...

Покуда он ждёт признаний,
украденных мной у Гессе,
из чашки с отбитой ручкой
пью крепкий горячий чай.

* * *

Не жалею, не зову, а толку?
Всё вернётся — плачь или не плачь!
Девочка в диснеевской футболке
в сотый раз уронит в реку мяч.

Уплывёт. И сколько б ни бежала,
ни просила помощи какой,
детских слёз доверчивая жалость
улетит в туманы над рекой,
обернётся солнцем на бумаге
в тесном доме с окнами в себя...
Жизнь замрёт в единственном замахе,
не прощая... Может, не любя...

В ночь не спишь, с утра — гремишь
посудой,
льёшь на руки жёлтый кипяток.
И за каждым «так уже не буду»
всё же ставишь точку с запятой.

И — по новой, с памятью играя
безнадёжно в «если б да кабы».
Жёлтый диск, зазубрины по краю —
и никто,
 конечно,
 не забыт.

РЕВОЛЮЦИЯ

Покуда рифмуется осень
С рябиновой гроздьё в руке,
незримо сдвигаются оси
у храмов в холодной реке.

И парк от реки до кофейни,
и прелой травы холодок,
и солнечный день тиховейный,
прозрачно лежащий у ног,

тревожно окрасились новью
для лириков и бунтарей
(как быстро растёт поголовье
мифических этих зверей).

А веку бы длиться и длиться:
Чего пожелаешь — проси.
Лишь надо чуть-чуть отклониться
самой от прицельной оси.

Что дальше — не знаю, а нужно...
Иначе, оставшись одна,
всему, что грядёт, малодушно
привычные дам имена.

Смахну со стола недомолвки,
порву на листочки тетрадь...
И смазку со старой винтовки
начну потихоньку стирать.

* * *

Отчего я люблю тишину...
Оттого, что её не бывает.
Проглотив ледяную волну,
старый дом на луну завывает
не заклеенным в осень окном...
Гнётся ясень в оранжевой сбруе.
Ветер, память свою тренируя,
целый час повторяет одно...

Ночью осень читается вслух
снизу вверх — от листвы подорожной.
И ревёт от бессонниц тревожных
волжский город, подобно ослу.

Рефлексируя с Word`ом и без,
всяк, имеющий уши, да слышит
редкий дождь, пробежавший по крыше
с влажной тучей наперевес...

И сверчок-новичок-златоуст
пропоёт его снова и снова.
И да будет к утру зарифмован
каждый меченный осенью куст.

* * *

А что же оно, когда не болит —
лишь бьётся о край ребра?
Встаёшь на обед ли, бежишь от обид,
ложишься под свет от бра...

Читаешь, листаешь страницу-две,
свет гасишь — болит опять.
И думаешь: вот оно — в голове,
и можно о нём писать.

И мысленно пишешь страницу-две,
покуда оно болит.
Так ходит коса по сырой траве,
так ветер в окно пылит.

По капле себя выжимаешь в сок
метафор и антитез.
Пылишь на бумаге, идёшь с косой.
Но миг — и порыв исчез.

И то, что болело, слегка ворчит,
трётся о край ребра.
Находишь себя и в пустой ночи
лежишь, ко всему добра.

* * *

Если вскользь услышано — вполуха —
позже вспоминается не то.
Здравствуй, осень, шустрая старуха!
Нас с тобой не вычислит никто.

Светлый день твой короток, простужен,
дышит в землю, лечится винцом.
Я давно узнал тебя по лужам:
ты дождём наморщила лицо.

Второпях разбросана по курткам,
первый снег таскаешь на спине.
Ошалевшим офисным манкуртам
не прочесть мелькающих примет.

Что платки наматывай на плечи,
что травой под окнами истлей...
Сунут ноги в сумеречный вечер
и — бегом по скрюченной листве
кто куда, нигде не застревая.
Вот тебя и некому встречать.

Я к тебе иду, неузнаваем,
с тем же первым снегом
на плечах.

* * *

«Где я? Зачем и кто
остановил метро?..
Что, если это знак —
всё, пропадай навеки?

Шёл бы по улице, шёл,
пусть город такой большой...»
И червоточит страх
в маленьком человеке.

Там, может быть, снег.
Просто хреновый век...
Ночь подожгла хвосты
низко висящим звёздам.

Всё, что ни есть, живёт.
Громко урчит живот.
В лёгких почти остыл
тёплый домашний воздух.

Гаснет в вагоне свет.
От времени — только след.
Ждёт человек звонка...
или пинка «оттуда».

Ждёт человек, молчит.
Спичка соседа — чирк.
Нужно терпеть, пока
нет ни беды, ни чуда.

Молится: «Вот он я,
есть у меня семья,
и скоро начнёт цвести
кактус в стеклянной плошке...

Может быть, это всё
выдержит и спасёт?
Надо меня простить
и пожалеть немножко».

ПЕРЧАТКИ

Прячешь мои перчатки —
Бордовые, сильно потёртые.
Я говорю: «Из кожи».
Споришь со мной: «Ничуть!»
Раз уж они твои,
То точно ни на что не похожие!»
Смеёшься, что отпечатки
Снимешь когда-нибудь.

Качну головой: напрасно
Ты с детства не любишь тайны.
Об этих манерных пальцах,
Что чистят тебе мандарин,
Слагали стихи японцы,
Снимали кино китайцы.
Им верили древние айны
С острова Сахалин.

Не думай, что всё так просто,
Как время тебе покажет.
Смахну на твои ладони
Бабочкину пыльцу.
И как бы ещё решая,
В чём бы себя оставить,
Тебя осторожно глажу
Ресницами по лицу.

Ты вздрогнешь — и будем квиты.
Вернёшь наконец пропажу.
О верных моих «старушках»
Мне бы жалеть вдвойне!
Ведь точно знаю, что правды
Они никогда не скажут,
Если всё-таки скажут
Хоть что-нибудь обо мне.

* * *

Вот и оно —
красное, долгое тело трамвая.
Комкает
утренний сон — пусть остывает —
в гуле своей утробы.
Быстрее подъезжай, твердолобый,
чтоб не забыть ни о чём...
И не забыться чтобы.

Утро твоё, трамвай,
спелое, влажно-тягучее.
Лучше я
буду с тобой. Бывай
на своих остановках чаще...
Пропаций,
про-па-а-а-ций...
И шумный.

А мне неловко
походя прерывать тишину
и создавать перекрёстки
между собой и прочей
городской
жизнью
и суетой.

Но ты не такой простой,
как мнится —
холодный, жёсткий...
В правоте своей убеждён,
упрям!
По гладким твоим бокам
мысленно
тёплой
и лёгкой рукой
глажу.

И пусть мне никто не скажет,
никто никогда не скажет,
что ты пустой
которое утро...

* * *

Ночь под плащом не таит фонарями набитого
брюха.

Лишь с боков отряхнула снега на столетнюю ель
и — в сомнении: так ли мертва, не легко ли
наказана Брюнхильд,
и для неё ли одной обрисована Хель
под корнем у Древа...

Ветром сухим ночь выжигает руны
на крышах домов, у трамваев на голой спине.
Из-под руки — метель — неистова, точно гунны.
И в новый уходит Рим вечно живой Эней...

Город пытлив, упрям, безликий, вытянул шею
в безлюдный январь — и голос его застыл.
Так и стоит — немой, на цыпочках цепenea,
где звёзды спешат подобрать сверкающие хвосты.

А Брюнхильд мертва. И ночь вполоборота
к седой, малокровной и выстуженной зиме
садится притихшая — чередовать заботы.
Под фонарём кто-то
хочет найти на карте
контуры древних земель.

* * *

Мы идём неведомо куда,
мы пришли, не спрашивай откуда:
там струится мёртвая вода
на зонты, в овраги и запруды.

Кто остался — им-то не впервой...
Ну а мы, бродяги-демиурги,
долго путь выгадывали свой
в отсыревшем за ночь Петербурге

или Красноярске — всё одно.
Неспроста под вымокшей футболкой —
с ясным небом и кристальным дном —
вызревает медленно и колко
новый мир.

И ангел за плечом
падает бесшумно и картинно.
А рассвет почти хрестоматийно
подоконник трогает лучом.

* * *

Мой ангел, ты старомоден —
пришёл в котелке и с тростью.
Я знаю, твои калоши — красные изнутри.
Ты грезишь ещё, быть может,
для нас — о большом помосте:
читать буду я, ты — слушать,
что там во мне горит.

Не ведаю, что́ ты любишь
из прошлых веков тягучих.
Кажусь ли тебе никчёмной
в бесплодной своей тоске?
А помнишь: гнедые кони
несли нас двоих за тучи,
И прозвище наше ветер
зачитывал нараспев?

Так и спасались...
Что там! Ведь ты это знаешь лучше:
меня не держали стены,
и не было вслед погонь.
Ты прилетал неожиданно
и взглядом своим певучим
показывал мне дорогу.
И вкладывал хлеб в ладонь.

А помнишь: читали сказки
Медее,
к утру уснувшей?
Хотелось прибрать игрушки,
но ты мне сказал:
«Не трожь».

Мы в ночь стерегли кровати,
в чужие не лезли души.
А младшенький,
мне казалось,
слегка на тебя похож.

И было совсем не важно,
кто из нас в чём повинен.
Мы вместе делили бремя
страстей и чужих щедрот.
Я шла и, набив мозоли,
взбиралась к тебе на спину.
Мягко ломались перья
под грузом моих невзгод.

Сегодня ты с белой тростью,
в простой довоенной шляпе.
Ты дал нам с тобой другие,
но лёгкие имена.
Я — в светлом красивом платье,
вот только подол заляпан.
Мы прочно вплетаем души
в долгие письма.

* * *

Чуть ласточка за плечи тронет —
 Почувствуешь, как воздух свеж.
 И тень от облака — в ладони...
 И медленно уходит свет

На пристани, где днища лодок
 В озёрной рясковой петле
 Лежат и пьют сырую воду...
 И дачники навеселе

Бредут сквозь ветер камышовый
 К пивным бревенчатым ларькам —
 Подобно маленьким зверькам,
 Рождая тёплый летний шорох.

У воздуха солёный вкус.
 Вдыхая запах чебуречный,
 Я всё никак не соберусь
 Поразмышлять о чём-то вечном...

И ни к чему.
 Мы без затей,
 В весёлом шорохе по пояс,
 Пьём пиво,
 И, в карманах роясь,
 Капризных кормим лебедей.

* * *

*Гость из будущего! Неужели
 Он придёт ко мне в самом деле,
 Повернув налево с моста?*
А. Ахматова. «Поэма без героя»

Входишь в мой дом — отряхни воротник
 С тёмной, как лес, шубы.
 Я не спрошу, для чего ты возник,
 И не сожму губы.

Не отверну ни судьбы, ни лица.
 Пусть на часах — десять.
 Хочешь, о чём-то проси без конца.
 Хочешь — молчи, грейся.

Стены глухие — не слышат давно.
 Сядь, я налью чаю.
 Мне-то полегче: чуть слышу звонок —
 Новых гостей встречаю.

Утром и ночью приходят ко мне,
 Ждут в глубине сада.
 В этой промозглой густой тишине
 И сквознякам рады.

Слышишь, калитка... Да, будет тебе!
 Хватит на всех крова.
 Если прогнать — по заснеженной мгле
 Их приведут снова.

ПЕТЕРБУРГ

1

На стене не висит
мой большой карандашный портрет.
В нём так мало меня
и так много от питерских улиц...
И в свинцовых штрихах
пять чужих, мной не прожитых лет
затаились...
и мысли — забытые мысли —
некстати вернулись.

В деревянной дешёвенькой раме
он стоит на полу.
Если б можно, чтоб память в нём тоже
одеревенела:
чтоб не помнить
ни Площадь искусств,
ни богемный трактир на углу...
чтобы нищенка та
возле Летнего сада не пела.

За лампадкой на полке
есть несколько светлых икон.
За иконами — Бог
и Его бесконечная воля.
За портретом моим —
лишь Нева
и не плеск, а почти перезвон...

И мешает идти
мелкий гравий на Марсовом поле.

2

Город, опрокинутый в себя —
Не живой для стрелок циферблата...
Как чужие письма теребят —
Суетно, пугливо, виновато, —

Так и я пытаюсь прочитать
Твой жестокий ветер над Невой,
И корявых строчек нищета
Целый год маячит предо мною.

На вокзал! С глазами беглеца,
С быстротой безумца-конокрада,
Чтоб дышать картинами дворца
И листвой Михайловского сада.

Или просто: утро и река,
Где подчас мерещится свобода,
И стихает гулкая тоска
В суете подземных переходов,

На бессчётных улочках, мостах...
А Фонтанка, залитая солнцем,
Будто Бродский, выпитый с листа,
В каждой жилке плещется и бьётся.

Я приду... без спросу... не зови,
Лишь бы вновь над крышами сверкнули
Купола от Спаса-на-Крови
В обожжённом воздухе июля.

* * *

Домой провожали... Меня —
Постояльца дешёвых гостиниц.
И весело было... и грустно немножко.
И магазин на углу
Походил на стеклянный зверинец,
И кто-то оставил свой сборник в потёртой
обложке...

Холодная кухня. И кот без обеда.
И марки от старых конвертов в шкатулке —
Не у меня... Может быть, у соседа...
А я здесь стою — в многолюдном проулке,
Где пьют и смеются, а девочка,
из темноты появившись и снега,
За шумной толпой наблюдает с опаской,
И брат её младший — как спутник —
Вокруг неё кружит,
И, может быть, верит в наивные сказки,
И с каждой дворовою псиною дружит.
Вот рвётся мальчишка из крепких объятий,
Топорщится крыльями шарф за спиною,
Ведь первый салют! Но сестре неприятен
И шум, и салют, и не нравится хвоя
Под ёлкой у дома. Скорей бы — за стены:
Чтоб — двери с замками, чтоб — улиц не слышать.
Я медлю — и мёрзну, и жду не затем ли,
Чтоб только поверить, что ангелы дышат...

На окнах домов — разноцветные блики,
И хлопают крылья. А впрочем напрасно
Грохочут петарды под песни и крики
И в небе — салют фиолетово-красный.
И трудно от вспышек запомнить хоть что-то.
Я часто дышу на озябшие руки.
Ребёнка к высоким железным воротам
Уводит девчонка с глазами старухи.

* * *

Незатейливый полдень в обычном самарском кафе.
Мы пьем кофе, и кофе в блестящих фарфоровых
чашках.

Я таскаю из сумки пригоршни липких конфет
Потаённо от девушек в белых рубашках.

Я люблю улыбаться. Всегда улыбаюсь в ответ,
Будь то мальчик в бистро, продавщица салатов,
кондуктор...

Я люблю этот полдень, в котором и солнца-то нет,
Лишь оса на стекле и в потёкшем мороженом
фрукты.

Улыбаюсь в окно. И держу на коленях тетрадь.
Ты всегда узнаёшь мой неровный размашистый
почерк.

Я пишу про кафе и про +29 с утра,
А ещё: о себе, о тебе, о нелепостях прочих.

Я пишу про вокзал в городке, уж не помню, каком,
Где купить пирожков и пропахнуть солёною воблой
Проще некуда было. А я там пила молоко,
Загадав, что с последним глотком поменяю свой
облик

На нездешне-любой...
И вернусь чуждедальней уже
В этот полдень, в кафе, в духоту непричёсанных
скверов.

Буду жить себе где-то на двадцать седьмом этаже,
Буду что-то, наверно, читать и чему-нибудь верить.

Улыбаюсь тебе и кладу на неприбранный стол
Не по-летнему белые, чуть полноватые руки.
И думаю: всё ничего, вот ещё один полдень прошёл
Для тебя и меня, одуревших от скуки.

* * *

Сюда не доходят звуки,
Но каждая тень близка.
А буквы смешны и хрупки
На кончике языка.

И яблоком пахнет прелым,
И пахнет сырým двором...
А полночь окостенела,
Прижавшись к террасе лбом.

Я вспомнить пытаюсь что-то
Из прежних моих молитв
И пальцами глажу фото
Одной из картин Дали.

Учусь не искать знамений
(Былое — уже не в счёт).
Пусть лучше меня заменит
Какой-нибудь звездочёт,

Не тонущий в дикой прорве
Ночей, предсказаний, лиц...
И пусть, если можно, кормит
Собаку мою... и птиц.

* * *

Зимний день — бездонный котлован —
Пустотой доводит до озноба.
Множатся корявые слова —
Перевод с английского, должно быть.

Магазин впаяли прямо в лёд.
Всюду — деревянные движенья.
Пусть меня автобус заберёт
От немых витринных отражений.

Через тучи снега и машин...
Но куда? Где нет машин и снега?
Знай себе, бывшее вороши
И живи предчувствием побега.

А в салоне душно и светло.
Сумерки ныряют под колёса.
Хорошо, что толстое стекло
От мороза сделалось белёсым —

Не видать озлобленных людей,
И шальных машин не видно вроде.
В безотчётном ворохе идей
Есть одна — о русском ледоходе.

* * *

Твой город, твои парапеты,
Бутылка холодного чая.
И море потёртого цвета
Под брюхом прожорливых чаек.

Я вижу, что солнце — всё то же
На стёклах вчерашних маршруток,
И заново чувствую кожей
Тугой временной промежутком,

Где звуки людских междометий
Закатами спаяны крепко
И вечно рождаются дети
В исхоженных шахматных клетках.

А я — босоногая, в джинсах.
С обеда — всё тем же маршрутом.
Мой старый попутчик божится,
Клянётся строкой Воннегута,

Что он различает рассветы.
И всё, что познал, перечислил.
Он видит, что я не одета
И кутаюсь в прежние мысли,

Как бабка в протёртые шали,
Как нищий в чужие обноски.
Он смотрит и нежно, и жёстко,
Рукой полируя скрижали.

«Не бойся ни плётки, ни блажи.
Не трусь, моя девочка, полно!»
Он больше ни слова не скажет,
Но всякую просьбу исполнит.

И станет губами цепляться,
И гладить кудрявое темя.
Он знает: я чувствую время,
Я тоже мечтаю остаться.

И держит бродяга-затейник
В карманах желанную пищу.
И медный мой крестик нательный
Шершавыми пальцами ищет.

ИЗ ДЕТСТВА

В голосе чернеют звуки —
 С каждым часом всё темней.
 Пляшет мальчик сребролукий
 В диафильме на стене.

Скачет в гору, мечет стрелы,
 В светлых локонах — пыльца.
 Даже ночь, и та старела
 У открытого лица
 Детства яркого, как вспышка.
 Принц мой, звездочка во лбу!
 Что же ты тогда не вышел
 Испытать свою судьбу
 Из настенного квадрата?
 Что сейчас! Герои лгут.
 Шар луны из грязной ваты
 Множит тени на снегу.

Ты совсем как юный лирик —
 Строгий, пылкий и смешной.
 В выросшем из детства мире
 Жить и грустно, и грешно...

Но лишь в нём окрепло слово —
 Ждёт в недвижной тишине.
 Мальчик мой светлоголовый
 Улыбнулся на стене.

* * *

Быть может, в такой же вечер
 во сне забывалось небо
 и море горячим телом
 ложилось поверх камней.
 К влажным его ладоням
 тянулись песок и ветер.
 И жгучие брызги заката
 таяли на воде.

А море взмывало кверху,
 металось и отступало.
 И вновь меж камней скрывало
 изменчивое лицо.
 Напрасно кружили чайки,
 крылом заслоняя скалы,
 и в уши морскому ветру
 кричали свою тоску.

Ведь море о них не знало,
 смотрело стеклянным взглядом.
 И, вдруг обернувшись вихрем,
 свой продлевало путь.
 А позже ложилось набок,
 с рассеянной лаской глядя
 ещё не остывший берег
 серебряным плавником.

* * *

Последний день недели,
И по бокам черно —
На ветреном апреле
Казённое сукно.

Он не с того ли ноет,
Твердит, что не знаком,
И говорит со мною
Суконным языком?

В подземном переходе
И в овощном ряду
Мне вкратце переводят
Всё это на ходу
Самарцы-доброхоты.

Без цели и зонта
Я шла не от кого-то
И не за кем, а так...

Слонялась по апрелю,
«Посеяла» берет.
В трамвае не согрелась
И не взяла билет.

Подумала: пускай уж
Везёт куда-нибудь.
И, сонная, кусками
Запоминала путь.

* * *

Я бы прошла наверняка:
С меня моей заботы хватит.
Но вижу: детская рука
Рисует липы на асфальте.

И шелест музыки живой
Здесь никогда не повторится,
И безнадёжно мел крошится
Под нарисованной листвой.

От жаркой пустоши двора
Я снова чувствую удушье...
— Ты что рисуешь, мальчик?
— Души
деревьев,
срубленных вчера...

* * *

Вот книги, вот люстра,
Комод погрузили —
И вдруг стало пусто,
И дверь не закрыли...

И воздухом тёплым
Льнёт глупая жалость:
Пойти посмотреть бы,
На то, что осталось...

Перила, пролёты...
Сырые ступени.
Бегут от кого-то
Размытые тени,

Бегут по стенам
Чередой непрерывной...
Здесь тихо, но с улицы —
Голос призывный.

Присесть на ступеньку,
Колени обнявши...
Тут сердце двоится.
Тут воздух размякший...

Тут старых отметин
Какая-то малость.
Уедем?.. Уедем.
А я бы осталась...

* * *

Море шумит, как дети,
На берег выносит камни.
Бьётся об окна ветер
Синими плавниками.

Кольцами чуть звеня,
Зашелестела штора.
Будет ли град? Плашмя
Туча легла на город.

Видно, что он застыл,
Сжался в преддверье града.
Жалко, побьёт цветы
В майских просторах сада.

Лягут кусты ничком...
И, от раската вздрогнув,
Крепко закрою окна
(Перекрестясь тайком).

* * *

Там, где моё тепло
Медленно тает, гаснет,
Вьюга гудит назло,
Нудно читая басни
Мне (ещё той лисе!),
Словно простой вороне.

В холоде все — как все.
Только меня не тронет
Белый искристый шум,
Выдумка сеять, множить.
Вечер, где я дышу,
Кем-то вчистую прожит.

Сытые, перекрестясь,
Сонно потушат лампы.
Кроясь в еловых лапах,
Ночь норовит упасть.

Стынет гудящий двор —
Старый, коньковый, лыжный.
Вьюга любую хворь
Мигом сметёт и выжмет

Досуха... И в очаг
Бросит лопату снега.
Будет, о чём молчать,
Снова ища ночлега.

* * *

Город над Волгой невзрачен и тих,
Будто зачат от безделья и сплетен...
Чтобы не путать чужих и других,
Вновь обхожусь чередой междометий.

День разрастается, вечер плывёт —
Парусник-призрак — всё дальше и дальше...
Кто не тоскует, тот просто живёт,
Словно под парусом весело машет

Сильной рукою, встряхнувшей закат,
Вспять повернувшей упрямую лодку.
Я, насмотревшись, как дышит река,
Вдруг расхотела быть вечной и кроткой.

Лучше бы — смелой и резкой, как дым,
Там, где углом режет парусник-вечер
Летнее небо и гасит следы
Утренних споров и слёз человеческих.

Небо опустится ровно на дюйм,
Знойная улица не шелохнётся.
Всё повторится — колдуй не колдуй...
К первому завтраку выплывет солнце...

Будет мой день беспощаден и тих
В бегстве пустом от чужих и своих.

* * *

Через веранду выйду в сад,
Оставлю книгу на комод.
Пусть время вымученно бродит
В настенных дедовых часах.

И осень — с просьбой не искать —
Уйдёт в метель. Исчезнет в танце.
И отзовутся чутко пальцы
На колокольчики в висках.

В моё-чужое «не грусти»
Вдруг стаю зим уронит ветер.
— Который час?
— Уже не дети...
Или декабрь без пяти.

* * *

Ушёл автобус. Двор затих.
Ни плача детского, ни смеха.
Поймав дождя простой мотив,
В сырой подъезд ныряет эхо.

И ровно в шесть колокола
Звонят в старинной колокольне...
Я этой осени ждала,
Когда о ней никто не помнил —

Когда везли черешню с дач
(Шумели улицы, базары),
Когда сама играла в мяч
С соседским мальчиком на пару.

Стояли грузно тополя,
Дыша усталостью и зноем.
И часто бредили поля
Дождливо-облачным покоем.

Был полон ягоды овраг,
В глазах от зелени рябило...
Мне странно помнить, где и как,
И для чего всё это было...

* * *

Войти в снегопад, постоять... и не хмуриться,
Ведь снег не нарочно. И станет светлей,
Когда вдруг прохожий какую-то улицу
При мне назовёт своей —

Как дом или сердце... Так просто, невдумчиво,
Глазами скользнув к сигаретным ларькам.
И слово взлетает — легко и не мучая —
Такое, как будто ласкает рука...

И лёгкое солнце играет в ребёнке,
А он улыбается — маленький плут!
И ваза с цветами на чистой клеёнке
В январское утро впускает уют..

Войти в снегопад, постоять и не хмуриться.
Снег мягче и мягче. И сердцу теплей,
Что можно одну полустёртую улицу
Пока называть своей.

* * *

Прислушайся к осени — скрежет и свист,
На ржавых цепях заматались качели.
В оранжевом парке — рябой гитарист..
Здесь раньше скамейкам и клумбам не пели
Вот так.

Я не в счёт..
Я уйти не могу —
Рассеянню жду: ну пускай он сфальшивит..
Пусть просто солжёт —

и я тоже солгу,
И сразу простимся на самой вершине
Незнания уз, и без лишних знакомств,
Бесслёзно неся непрочтённые души.
Мы оба случайные — гостя и гость,
И здесь у качелей нам вместе не лучше,
Чем где-нибудь
врозь.

Я совсем не хочу
Добавить хоть слово к тому, что не спето.
Мне страшно прижаться к чужому плечу
И узнанной быть, и случайно согретой..
Прислушайся к осени...

* * *

Принеси мне безделушки
Из китайского фарфора.
Я о них — невинных, тонких —
Напишу тебе стихи...

Неуверенно, невнятно...
Не поймут?! А ты не скажешь,
Почему шестнадцать строчек
Так ненужны и нежны.

Ты придёшь, пожалуй, в марте.
Приведёшь с собою осень.
Я впусти немного света
От двери на край стола.

Будет день взывать к закату,
Будет чёрный чай не тронут.
Мы сотрём усмешку Будды
На фарфоровом лице...

* * *

За спиной — неровный след,
Дышат километры.
Я ушла. Там больше нет
Музыки и ветра.

Вдоль дорог лежит листва —
Тёмное бесснежье.
Из чудес осталось два:
Облако и нежность.

Пролетают лес, поля...
Мост за поворотом.
Разве здесь моя земля,
Чтобы ждать чего-то?

Чтобы помнить и прощать,
Или быть прощённой...
Разве можно обещать
Рай непосвящённым?!

Сердцу нечего решать —
Я здесь не родная.
Тщетно мечется душа
Впрок запоминая

Кудрый лес, поля, поля,
Мост за поворотом...
Где ты есть, моя земля,
Вера и забота?..

Содержание

«Приснилось: мы обе наяды...»	3
«Я — от сердца, а ты — на латыни...»	4
«Быть может, позвонишь с утра...»	6
«Что за улица — мрачно и голо...»	8
«Город с рассветом неряшлив и стар...»	10
«В нелётную ночь вспоминаем Басё...»	11
«Вот она — моя тарелка...»	12
«Говори со мной, Кустурица...»	13
«Живот под небом — горячий, плоский...»	14
«Напрасно ты — втихомолку...»	15
Чёртово колесо	16
«Редает ночь...»	18
«Тут всё обо мне: хотя бы...»	20
«Не жалею, не зову, а толку?...»	21
Революция	22
«Отчего я люблю тишину...»	23
«А что же оно, когда не болит...»	24
«Если вскользь услышано — вполуха...»	25
«Где я? Зачем и кто...»	26
Перчатки	28
«Вот и оно...»	30
«Ночь под плащом не таит фонарями набитого брюха...»	32
«Мы идём неведомо куда...»	33
«Мой ангел, ты старомоден...»	34
«Чуть ласточка за плечи тронет...»	36
«Входишь в мой дом — отряхни воротник...»	37
Петербург	38

«Домой провожали... Меня...»	40
«Незатейливый полдень в обычном самарском кафе...»	42
«Сюда не доходят звуки...»	44
«Зимний день — бездонный котлован...»	45
«Твой город, твои парашюты...»	46
Из детства	48
«Быть может, в такой же вечер...»	49
«Последний день недели...»	50
«Я бы прошла наверняка...»	51
«Вот книги, вот люстра...»	52
«Море шумит, как дети...»	53
«Там, где моё тепло...»	54
«Город над Волгой невзрачен и тих...»	55
«Через веранду выйду в сад...»	56
«Ушёл автобус. Двор затих...»	57
«Войти в снегопад, постоять... и не хмуриться...»	58
«Прислушайся к осени — скрежет и свист...»	59
«Принеси мне безделушки...»	60
«За спиной — неровный след...»	61

Литературно-художественное издание

Татьяна Геннадьевна Шишкина

О ЧЁМ ПОЮТ НАЯДЫ

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

***Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину***

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 02.04.2015. Формат издания 84x108/₃₂.

Объём 3,36 печ.л. Гарнитура Excelsior Cyrillic .

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru